

А. Н. Ливанова  
Санкт-Петербургский государственный университет,  
Санкт-Петербург, Россия. a.livanova@spbu.ru

## НОРВЕЖСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ДВИЖЕНИЕ ПОЛВЕКА СПУСТЯ

В 1968 году Михаил Иванович Стеблин-Каменский опубликовал в журнале «Вопросы языкознания» статью «Возможно ли планирование языкового развития?» с подзаголовком «норвежское языковое движение в тупике». В статье характеризуются взгляды сторонников основных направлений в языковом движении страны, а также проведенные в ней реформы орфографии. Скорее отрицательно оценив результаты языкового движения, происходившего в Норвегии в течение ста с лишним лет, М. И. Стеблин-Каменский ставит под сомнение как возможность, так и целесообразность языкового планирования.

В прошедшие со времени публикации статьи более пятидесяти лет реформирование орфографии продолжилось, но с несколько иными целями. Нет признаков того, что в Норвегии предполагают отказаться от языкового планирования, опыт которого можно во многих отношениях оценить как поучительный.

*Ключевые слова:* М. И. Стеблин-Каменский, норвежский язык, букмол, лансмол, риксмол, новонорвежский язык, языковое движение, реформы орфографии, планирование языкового развития

Aleksandra Livanova  
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. a.livanova@spbu.ru

### **The Norwegian language movement half a century later**

In 1968, Mikhail Steblin-Kamenskij published an article in the journal *Voprosy Yazykoznaniiya* (Issues in Linguistics) entitled «Is Planning of Language Development Possible?» with the subtitle «Norwegian Language Movement at a Dead End». The article characterises the views of the proponents of the main trends in the country's language movement, as well as the orthography reforms it has implemented. Rather negatively assessing the results of the language movement that took place in Norway for more than a hundred years, Steblin-Kamenskij questions both the possibility and the expediency of language planning.

In the more than fifty years since this article was published, spelling reforms have continued, but with somewhat different aims. There is no indication that Norway is contemplating abandoning language planning, the experience of which can be regarded as instructive in many respects.

*Key words:* Mikhail Steblin-Kamenskij, Norwegian language, bokmål, landsmål, riksmål, New Norwegian, language movement, orthography reforms, planning of language development

В 1968 году Михаил Иванович Стеблин-Каменский опубликовал в журнале «Вопросы языкознания» статью «Возможно ли планирование языкового развития?» с подзаголовком «норвежское языковое движение в тупике». В этой статье он дает оценку «результатов языкового движения, происходившего в Норвегии в течение последних ста с лишним лет», отметив, что литература по этому вопросу необозрима. Со времени публикации статьи прошло более пятидесяти лет, литературы прибавилось, однако большей частью это полемически заостренные выпады приверженцев одних взглядов против сторонников других. Дальнейшее изложение представляет собой попытку вкратце и по возможности объективно охарактеризовать ход языкового развития в Норвегии в этот период и оценить его результаты.

Свою статью Михаил Иванович начинает с указания, что «всякое лингвистическое описание это проблема прежде всего терминологическая» (Steblyn-Kamenskij 2003: 652), и определяется с терминологией: язык — это «звуковой, или устный, язык»; литературный язык «используется как стандарт, или норма, в определенном обществе, не только сам по себе, но и в своем письменном отражении, и противопоставляется местным диалектам» (Steblyn-Kamenskij 2003: 652–653). Однако, как остроумно заметил социальный антрополог Хилланд Эриксен, «норвежский — это определенно язык. Вернее, норвежский — это, по меньшей мере, два языка» (Hylland Eriksen 1993: 52). В законе о языке два официально равноправных письменных варианта норвежского языка, букмол и новонорвежский, называются формами языка, *målformer*. Эти две формы, развивавшиеся с начала XIX в. (хотя и под другими названиями) подлежат нормированию в отличие от устного языка, который существует в виде диалектов и не нормируется никак: «Норвегию часто называют “диалектным раем Европы”» (Parazian 2020). Понятие же «литературный язык» в Норвегии не в чести.

Сторонники обеих форм стремились добиться так называемой норвегизации языка, понимавшейся как приведение письменного языка в соответствие с распространенным в стране произношением (при том, что произношение принципиально не нормировалось), а также как освобождение его от черт, разделя-

емых с близкородственными шведским и особенно датским языками. Пути достижения этих целей виделись ими, однако, настолько по-разному, а социальная база сторонников конкурирующих взглядов была настолько разной, что на многие десятки лет страна погрузилась в языковую борьбу: «С середины XIX в. языковой раскол стал в Норвегии перманентным состоянием» (Steblyn-Kamenskij 2003: 652–653). На популярной карикатуре 1917 года зеваки спрашивают людей на баррикадах: «Как далеко зашла у вас революция?». Ответ: «Пока мы сражаемся по поводу того, как писать это слово».

В статье Стеблин-Каменский характеризует взгляды сторонников основных направлений в языковом движении страны, выбравших разные пути для достижения общей цели – формирования языка норвежской нации. Два из них определились и оформились организационно в самом начале XX века. Это был, во-первых, *Noregs Mållag*, созданный в 1906 г. сплотившимися в эту организацию сторонниками лансмолы (с 1929 года называемого новонорвежским), искусственно созданного языковедом-самоучкой Иваром Осеном на основе собранных им образцов народной речи. Во-вторых, созданный в 1907 г. союз сторонников риксмолы, *Riksmålsforbundet*, считавших возможной норвегизацию уже сложившегося в городах на основе грамматики близкородственного датского языка и норвежской фонетики датско-норвежского смешанного говора. Ко времени написания статьи Михаила Ивановича, то есть к концу шестидесятых, «борьба риксмолы с лансмолом отошла на задний план» (Steblyn-Kamenskij 2003: 660): к двум указанным направлениям добавилось утопическое движение за *samnorsk*, «общенорвежский язык», однако от идеи искусственно соединить две конкурирующие языковые формы практически все отказались как от нереалистичной еще в 70-е годы прошлого века. Но это не значит, в Норвегии отказались от идеи языкового планирования.

Само регулирование официальных письменных языков осуществляется в Норвегии посредством реформ орфографии. Однако реформировались, и очень непоследовательно, не только орфография и до некоторой степени лексический состав, но и морфология. Кодифицировалось употребление почерпнутых из диалектов просторечных словоизменительных показателей в парадигмах существительных и глаголов, что привело к изменению количества граммем категории рода существительного. Бурное реформирование языка политиками не находило

поддержки у большинства норвежцев, в том числе у лингвистов, поскольку уследить за всеми нововведениями было сложно.

Примером могут служить формы числительных. В одних норвежских диалектах десятки ставятся перед единицами, в других наоборот, при этом числительные «семь» и «двадцать» употребляются в разных вариантах. При первом способе это *sju* и *tjue*, при втором *syv* и *tyve*. Соответственно, двадцать семь это либо *tjuesju*, либо *syvogtyve*, где *og* — сочинительный союз «и» (числительные пишутся по-норвежски в одно слово). Вторую форму, единственно возможную в датском языке и широко распространенную в городах, и не только среди образованных слоев населения, в букмолле то запрещали, то разрешали лишь в качестве факультативной. Поскольку подобных изменений после каждой из реформ оказывалось немало, учителям школ, которым спускались новые правила орфографии, приходилось постоянно привыкать к нововведениям, а ученики с трудом усваивали меняющиеся правила. В узусе распространились невозможные ранее гибридные формы, например, *tjuesyv*. Нередко один и тот же человек писал числительные в тексте по-разному. Последними же реформами разрешены оба варианта, и люди, привыкшие в устной речи употреблять *syvogtyve*, могут использовать эту форму на письме в любой сфере. В лансмолле, а теперь новонорвежском, разрешено только *tjuesju*. Однако найти информацию о действующих на данный момент правилах непросто. Знакомый норвежский писатель, пишущий на обоих вариантах языка, ответил на мой вопрос следующее: «Насколько мне известно, разрешено использовать и новый способ счета: *tjuesju*, и старый: *sju og tjue*, но относительно новых правил я совсем не уверен. Сам я всегда пользуюсь новым способом: *tjuesju*. Да, расплывчато ответил я на вопрос, ответ на который сходу не дадут даже норвежцы — преподаватели норвежского!»

Так что хотя тот же Хилланд Эриксен утверждал, что в основе языкового конфликта лежат далеко не только споры по поводу форм числительного «двадцать семь» (Hylland Eriksen 2005: 17), свою лепту в конфликт эти споры внесли и вносят по сию пору. Название модного парикмахерского салона в благополучной части столицы, омонимичное номеру дома, где салон расположен, одной своей формой говорит о том, что это заведение позиционирует себя как элитное и верное традициям (<https://www.syvogtyve.no/>).

Со времени опубликования статьи Стеблин-Каменского были проведены еще три реформы орфографии: букмола в 1981 и 2005 годах, новонорвежского в 2012 г. Результаты реформ букмола кратко охарактеризованы в учебнике (Berkov 2012: 93–94 и далее), реформа же новонорвежского на момент публикации учебника еще не была завершена. Главное, что все три реформы явились мерой, призванной упорядочить запутанные правила. Было сокращено число разрешенных вариантов, уменьшен разнობой. Это знаменовало сдвиг в сторону менее идеологизированной, более реалистичной и пригодной для воплощения в жизнь языковой политики. Важную роль в этом сыграл созданный в 1966 г. консультативный орган, Языковой совет (*Språkrådet*), в который входят поровну сторонники букмола и новонорвежского.

Благодаря целенаправленной работе Совета норвежский парламент Стортинг в 2021 г. принял вступивший в силу 1 января 2022 г. Закон о языке, имеющий, разумеется, два названия, букмольное *Lov om språk* и новонорвежское *Språkløva*. Закон закрепил достигнутые реформами обеих языковых форм результаты, пусть и не разрешив всех существующих противоречий (так, после реформы новонорвежского в 2012 году глагол «желать» можно писать восемью разными способами).

Реформы способствовали сближению всех трёх письменных языков на базе узуса. При этом количество пользователей лансмола, несмотря на усилия властей, в том числе финансовые вливания, неуклонно снижается. 90% населения на письме используют букмол, и в основном это умеренный букмол, который практически неотличим от неофициальной формы, риксмола, которая используется рядом негосударственных СМИ. Дело в том, что орфография, принятая союзом сторонников риксмола, также претерпела изменения, выразившиеся в приведении написания в соответствие с произношением, характерным для реально существующей, хотя и негласной устной нормы, так называемого стандартного восточно-норвежского. Хотя это «речевая практика образованных слоев населения (упоминать образованность считается недемократичным) ... она более или менее прослеживается в речи образованных людей» (Berkov 2011: 47–48). За сто с лишним лет эта норма избавилась от пережитков произношения, ориентировавшегося на датскую письменную норму.

Предпосылкой успешного реформирования явились подробные описания норвежского языка, созданные как сторонниками разных форм, так и претендующие на академическую объективность. Так, в 1997 г. вышла долгожданная научная грамматика *Norsk referansegrammatikk*. Показательно, что авторы разделов этой монографии писали на той форме языка, которую считают для себя более естественной: двое на букмоле, один — на новонорвежском. Теперь не скажешь, что «современная норвежская грамматика — это одна из самых неисследованных грамматик мира» (Steblyn-Kamenskij 2003: 661). Завершено издание многотомного словаря новонорвежского языка и диалектов, авторитетный словарь риксмолла доступен онлайн. Бурному развитию научных исследований способствовало изменение финансовых возможностей: из бедной окраины Европы Норвегия благодаря обнаружению нефти у своих берегов и разумному распределению полученных средств превратилась в страну с одним из самых высоких уровней жизни населения.

Соотношение между предпочитающими одну из двух официальных форм постепенно, но неуклонно меняется в пользу букмола, невзирая на усилия властей по насаждению новонорвежского в госструктурах. Ежегодно публикуются данные о проценте родителей, выбирающих в качестве языка обучения для своих детей в начальной школе новонорвежский, и проценте новобранцев, указывающих предпочтительную форму. Число выбирающих новонорвежский с указанных в статье Михаила Ивановича 20,5% в 1964–1965 гг. снизилось до 11,5% в 2022–2023 учебном году (*Fakta om grunnskolen 2022-2023*: 9). Еще ниже процент новобранцев, выбирающих новонорвежский. В 2008 году он составил 8,2% против 11,2% в 1997 г.

С другой стороны, изменилось место новонорвежского в литературе. М. И. Стеблин-Каменский отмечал, что «Ряд талантливых писателей способствовал разработке лансмолла как литературного средства» (Steblyn-Kamenskij 2003: 661). Хотя число публикуемых на этой форме языка книг уступает числу книг на букмоле — в 2007 г. на новонорвежском вышло 7% книг — они перестали по умолчанию ассоциироваться с литературой о селе или истории Норвегии. Появились урбанистические романы. Некоторые авторы сознательно выбирают новонорвежский как искусственный язык, с которым можно экспериментировать.

Можно согласиться с тем, что «стандартный язык большинства (букмол) обладает социальным престижем, но не имеет национального (поскольку происхождение его отчасти датское)» (Parazian 2020). Однако все свидетельствует о том, что национальные чувства норвежцев вполне удовлетворены полной допустимостью диалектов в устной речи.

«Если конечная цель национального языкового движения заключается в том, чтобы у нации был единый литературный язык..., то национальное языковое движение в Норвегии потерпело неудачу» (Steblyn-Kamenskij 2003: 661). Однако нет единого для всех наций срока и способа формирования единого литературного языка, а норвежская ситуация далеко не уникальна. Ситуация в Греции, где также сосуществуют два письменных языка, названа в статье (Елоева 2011: 85) «противоречивой и сумбурной» при том, что непрерывная письменная традиция поддерживается в этой стране более трех тысячелетий. А ведь норвежский язык получил возможность развиваться как язык нации лишь чуть более двухсот лет тому назад, после отделения страны от Дании в 1814 г. «Сознательная активность людей по отношению к языку наиболее ярко и значительно проявляется в периоды формирования литературных языков или смены одной нормативно-стилистической системы новой нормой», указывает социальная типология языков (Mechkovskaja 2006: 243). Именно такой период переживает Норвегия, где нормативно-стилистическая система датско-норвежского языка меняется на собственную национальную систему, а литературный язык находится в стадии формирования.

Однако за прошедшие два столетия языковая борьба в целом утратила остроту. Участники языкового движения ставят перед собой несколько иные цели, совместно выступая против общей угрозы — засилья английского языка, и ведут активную разработку норвежской научной терминологии на обеих языковых формах.

В самосознании норвежцев огромную роль играет понятие национальной идентичности. Бесспорно норвежскими по сию пору многими признаются только диалекты. Однако под влиянием социального престижа букмола и возросшей мобильности населения многие диалекты утрачивают свои уникальные особенности. Наблюдается их регионализация вокруг нескольких центров. Как пишет Эрик Папазян, «похоже, мы следуем примеру прочей Европы, и диалекты с опозданием в 150 лет или

около того постепенно сменяются языковой нормой» (Parazian 2020).

Целью языкового планирования в Норвегии было дать возможность каждому жителю страны говорить так, как он привык, не ощущая своей ущербности, и писать на том варианте языка, который ближе к его устной речи, то есть его диалекту. Показателен пример писателя Туре Ренберга. На начальном этапе творчества, переняв у городской элиты слегка пренебрежительное отношение к новонорвежскому, он писал на букмоле, но в последние годы перешел на новонорвежский, близкий диалекту его детства, и тексты Ренберга стали заметно лучше.

Конечно, не все проблемы решены.

Использование диалектов журналистами на общенациональном новостном вещании многим мешает понимать смысл сказанного. Делясь печальным опытом общения с чат-ботом налоговой службы, норвежский журналист так характеризует идиолект этого существа (?): «Автоматический голос с настолько своеобразным диалектом, что его не взяли бы на работу даже на Центральное вещание Норвегии» (Rakvaag 2023).

Какие-то правила нельзя назвать иначе как перегибами. В государственных СМИ определенный процент материалов должен быть представлен на новонорвежском или диалектах. Для этого на новонорвежский язык нередко переводятся печатные материалы и даже интервью людей, пользующихся букмолем.

Требование к чиновникам обращаться к гражданам на их форме языка иногда выливается в анекдотичные ситуации, не говоря уже о том, сколько времени и средств требует его исполнение. Один норвежец уже 35 лет воюет с дорожной инспекцией, присылающей ему извещения о штрафе за превышение скорости на букмоле, в то время как он требует употребления в обращении к нему новонорвежского. Бывает, на почте требуют марку с надписью Noreg, а не Norge. Первый вариант пока остается единственным официальным новонорвежским названием страны.

Остается верным наблюдение, что «рядовой норвежец, как бы он ни был невежествен в языкознании, как правило, убежден в том, что он вполне компетентен решать любые языковедческие проблемы» (Steblyn-Kamenskij 2003: 662). Но у этого явления есть и плюсы. Британский социолингвист Питер Традгилл (Peter Trudgill), много внимания уделивший языковой ситуации в Норвегии, считает, что борьба сторонников разных



языковых форм способствовала повышенному вниманию норвежцев к вопросам языка, результатом чего явилась высокая толерантность к вариативным формам языка и осмысленная свобода в их использовании (Øvregaard 2008).

В. П. Берков, долгое время скорее отрицательно относившийся к самой идее сосуществования двух официальных форм языка, позже, получив возможность наблюдать на месте, в Норвегии, не всегда очевидные на расстоянии импликации такого состояния, высказывался гораздо менее категорично. Констатировав фактическую ликвидацию четкой нормы в результате языкового планирования, Валерий Павлович задается «еретическим вопросом»: «А что если допустимость разных вариантов, напротив, благо?», и продолжает: «Будущее покажет, так ли уж плох пример Норвегии» (Berkov 1999: 33). Та же мысль акцентирована в более поздней статье (Berkov 2011: 49).

«Орфографический хаос» (Steblyn-Kamenskij 2003: 659) в Норвегии не изжит. Однако он же наблюдается, например, в комментариях в сети интернет на русском языке — едином, нормируемом, литературном, многожды детально описанном. Возможно, если бы замысловатых правил на каждый мелкий случай было меньше, грамотные граждане имели бы меньше поводов для сетований, а школьники с большей охотой и с толком изучали бы не столь многочисленные и не столь богатые исключениями правила.

Сближение позиций сторон в первой четверти XXI века, развитие лексикографии привели к тому, что раздаются голоса в пользу введения элементов нормирования устной речи. Еще недавно это вызывало резкое неприятие, в особенности у сторонников новонорвежского с их девизом «snakk dialekt, skriv nynorsk!» (говори на диалекте, пиши на новонорвежском).

Нет признаков того, что от языкового планирования в Норвегии предполагают отказаться. В 2018 г. норвежское государство выделило на решение вопросов языка больше средств, чем на содержание дорог и оборону вместе взятые. Эти деньги тратятся не впустую. Языковое законодательство успеваает своевременно реагировать на потребности языкового сообщества, а также исправлять неизбежные недочеты.

## Литература

- Berkov, V. P. 2012: *Istorija norvezhskogo jazyka* [History of the Norwegian language]. St. Petersburg: Publishing House of the Philological Faculty of St. Petersburg State University.  
Берков, В. П. 2012: *История норвежского языка*. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ.
- Berkov, V. P. 1999: [New in Norwegian language]. *Skandinavskaja filologija = Scandinavica* [*Scandinavian philology = Scandinavica*] 6, 14–34.  
Берков, В. П. 1999: Новое в норвежском языке. *Скандинавская филология = Scandinavica* 6, 14–34.
- Berkov, V. P. 2011: [Some thoughts on the linguistic norm]. In: Berkov, V. P. 2011: *Works on linguistics*. St. Petersburg: Publishing House of the Philological Faculty of St. Petersburg State University, 41–49.  
Берков, В. П. 2011: Несколько соображений о языковой норме. В кн.: Берков, В. П. 2011: *Работы по языкознанию*. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 41–49.
- Eloeva, F. A. 2011: [Diglossie après Diglossie. The case of modern Greece], In: *Linguvistika ot Vostoka do Zapada. V chest' 70-letija V. B. Kasevicha* [Linguistics from East to West. In honour of V. B. Kasevich's 70th anniversary], 2011. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 85–92.  
Елоева, Ф. А. 2011: Diglossie après Diglossie. Случай современной Греции. В сб.: *Лингвистика от Востока до Запада. В честь 70-летия В. Б. Касевича*, 2011. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 85–92.
- Fakta om grunnskolen 2022–2023 // <https://www.udir.no/tall-og-forskning/statistikk/statistikk-grunnskole/analyser/fakta-om-grunnskolen/fakta-om-grunnskolen/>
- Hylland Eriksen, Th. 1993: *Typisk norsk*. Oslo: Huitfeldt.
- Hylland Eriksen Th., 2005: Språkspill. In: Uri H. (red.). 2005: (Nesten) alt du trenger å vite om norsk. Oslo: Kunnskapsforlaget, 18–19.
- Mechkovskaja, N. B. 2006: *Obshhee jazykoznanie. Strukturnaja i social'naja tipologija jazykov*. [General linguistics. Structural and social typology of languages]. Moscow: Flinta: Nauka.  
Мечковская, Н. Б. 2006: *Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков*. М.: Флинта: Наука.
- Papazian, E., 2020: *Having an Armenian surname was unusual in Norway*. <https://mirrorspectator.com/2020/05/09/eric-papazian-having-an-armenian-surname-was-unusual-in-norway/>
- Rakvaag, G., 2023: *Chatten om skatten: Kunstig uintelligens*. <https://www.dagsavisen.no/debatt/kommentar/2023/04/27/chatten-om-skatten-kunstig-uintelligens/>

Steblyn-Kamenskij M. I., 2003. Is it possible to plan language development? In: Steblyn-Kamenskij, M. I. 2003: *Works on philology*. St. Petersburg: Publishing House of the Philological Faculty of St. Petersburg State University, 652–662.

Стеблин-Каменский, М. И. 2003: Возможно ли планирование языкового развития? В сб.: *Труды по филологии*. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 652–662.

Øvregaard, Å., 2008: *Når dialect blir maktspråk*.

<https://www.aftenposten.no/meninger/kronikk/i/nw6xL/naar-dialekt-bliir-maktspraak>